

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИЗ РОССИИ, ИНДИИ И КАЗАХСТАНА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Н.В. Иванова¹, О.В. Суворова^{1,2}, И.А. Шадрина¹,
С.К. Сран³, А.Б. Акпаева⁴

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Россия, 603600, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, 614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

³ Женский колледж Мата Сундри (Делийский университет), Индия, 110002, Нью-Дели, пер. Мата Сундри

⁴ Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык, 13

Резюме

Международные психолого-педагогические исследования и их метаанализы констатируют рост показателей повышенной тревожности у современных учащихся начальных классов, что делает актуальным разностороннее рассмотрение данной проблемы, в том числе в крайне мало изученном кросс-культурном аспекте. Цель статьи – кросс-культурный анализ особенностей личностной тревожности у десятилетних младших школьников из городских общеобразовательных школ России, Индии и Казахстана. Всего в исследовании приняли участие 900 детей, по 300 младших школьников из каждой страны с равномерным гендерным распределением. В качестве диагностического инструментария применялась «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан (форма «А» для школьников 10–12 лет). В результате исследования установлены универсальные и культурно-специфические особенности личностной тревожности у младших школьников из России, Индии и Казахстана. На основе факторного анализа констатировано, что во всех трех детских выборках наибольший вес имеют показатели межличностной и самооценочной тревожности, вес школьной тревожности менее выражен, что можно объяснить определяющим влиянием фактора возраста на профиль личностной тревожности десятилетних младших школьников из разных стран. Выявлены статистически значимые кросс-культурные различия в средних показателях всех видов личностной тревожности (школьной, самооценочной, межличностной, магической, общей) у младших школьников из трех стран по Н-критерию Краскела–Уоллиса. Наименьшие значения тревожности, кроме самооценочной, характерны для десятилетних обучающихся из Казахстана, при этом все средние показатели тревожности у данных школьников сосредоточены в диапазоне нормального уровня. Средние показатели тревожности российских детей также относятся к нормальному уровню. Наибольшие значения по всем видам тревожности, относящиеся к «несколько повышенному» уровню, продемонстрировали младшие школьники из Индии. Идентичные кросс-культурных различия были зафиксированы отдельно на выборках мальчиков и девочек. В группе индийских детей также были выявлены статистически значимые гендерные различия по всем видам тревожности, кроме межличностной. Кроме того, констатированы кросс-культурные раз-

личия в выборе детьми из разных стран тех ситуаций, которые вызывают наибольшее волнение по всем шкалам тревожности. Полученные результаты могут быть полезны для практики психолого-педагогического сопровождения детей.

Ключевые слова: тревожность; личностная тревожность; младший школьник; кросс-культурный анализ; Россия; Индия; Казахстан; культурно-специфические особенности

Введение

Нестабильность международной обстановки, многочисленные и кардинальные трансформации в политической, социально-экономической, культурной сферах приводят к возрастанию интенсивности и частоты эмоциональных нагрузок и делают остро актуальной проблему обеспечения эмоционально-личностного благополучия человека, находящуюся в фокусе внимания различных наук, в том числе психологии. На этапе школьного обучения одним из существенных предикторов нарушения эмоционально-личностного благополучия ребенка выступает его повышенная тревожность.

Российскими и зарубежными авторами убедительно доказано, что высокая тревожность отрицательно влияет не только на академическую успешность школьников, но и в целом на актуальное состояние их психического и физического здоровья. Многие современные исследователи констатируют, что значительно превышающий норму уровень тревожности, характеризующийся интенсивностью переживания беспокойства и волнения, имеет негативные последствия для детей школьного возраста не только в ближайшей, но и в долгосрочной перспективе.

Особое значение имеет изучение тревожности у детей на этапе начального школьного образования, закладывающего фундамент развития личности ребенка, его психологического здоровья и успешности дальнейшего обучения. Актуальность подобных исследований непосредственно связана с увеличением показателей повышенной тревожности у современных младших школьников, что констатируется в психологических публикациях авторов из разных стран и их метаанализах (Прихожан, 2000; Рудомазина, 2016; Донскова, 2022; Du, Kao, Fang, Shen, Cai, 2023; Fu, Yu, Li, Sun, 2024).

Несмотря на значительный массив работ, раскрывающих детерминацию, подходы к диагностике, возможности профилактики и преодоления повышенной тревожности у детей младшего школьного возраста, некоторые вопросы этой проблемы остаются дискуссионными, недостаточно или фрагментарно изученными. Анализ публикаций свидетельствует, что крайне слабо исследованы особенности личностной тревожности российских младших школьников в кросс-культурном аспекте. Между тем многообразные факторы культуры, проявляющиеся в традициях, установках, ценностях, особенностях семейного воспитания и системы образования, прямо или косвенно в той или иной степени влияют на социальную ситуацию развития ребенка, его эмоционально-личностную сферу, в частности тревожность (Чернышова, Иванов, 2016; Карабанова, 2017; Du et al., 2023; Hofstede, 2011; Essau, Anastassiou-Hadjicharalambous, Demetriou, Pourseied, 2012;

Fu et al., 2024). Это, в свою очередь, делает принципиально важным изучение и дифференцировку универсальных и культурно-специфичных особенностей личностной тревожности у современных младших школьников из разных стран. Также кросс-культурный анализ тревожности у детей открывает возможности для диссеминации эффективного опыта обеспечения личностного развития младших школьников и обогащения психолого-педагогической практики достижениями коллег из других стран в рассматриваемом контексте.

Все обозначенное в совокупности определяет актуальность кросс-культурных исследований особенностей личностной тревожности российских младших школьников и обучающихся начальной школы из таких дружественных держав, как Казахстан и Индия. Выбор именно этих стран имеет обоснование. С одной стороны, партнерские взаимоотношения России с Казахстаном и Индией делают возможными научные коллаборации в сфере международных психологических исследований, реализацию кросс-культурных исследовательских задач. С другой стороны Россия, Индия и Казахстан отличаются социально-экономическими, политическими условиями, культурой, религией. По универсальным стандартизированным показателям, генерируемым в рамках специальных программ Организации Объединенных Наций (см.: <https://hdr.undp.org/>), Россия, Индия и Казахстан имеют существенные, но не полярные в мировом континууме различия. По индексу человеческого развития (Human Development Insights), демонстрирующему достижения страны в сфере образования, здоровья, продолжительности и качества жизни, среди 193 стран Россия и Казахстан входят в группу государств с очень высоким уровнем и занимают соответственно 56-е и 67-е места с индексами 0,821 и 0,802; Индия занимает 134-е место с индексом 0,644, что соотносится с верхней границей среднего уровня. При этом следует подчеркнуть интенсивную положительную динамику Индии в данном комплексном показателе за последние годы. Индекс гендерных социальных норм (GSNI), фиксирующий процент людей с предвзятостью (предубеждением) в отношении лиц женского пола в политике, образовании, экономике, применительно к образовательной сфере в России составляет 27,65%, в Казахстане – 28,65%, в Индии – 38,5% (последнее обновление отражает информацию по состоянию на 12 января 2023 г.). Указанная специфика стран делает возможным и целесообразным проведение кросс-культурных исследований.

Целью нашей работы выступил кросс-культурный анализ особенностей личностной тревожности у городских младших школьников в возрасте 10 лет из России, Индии и Казахстана.

Основными задачами исследования являлись:

- изучение различных видов личностной тревожности (школьной, самооценочной, межличностной, магической, общей) у российских, индийских и казахстанских младших школьников;
- выявление универсальных и культурно-специфичных особенностей личностной тревожности у младших школьников России, Индии и Казахстана;

– определение гендерных различий в показателях личностной тревожности у российских, индийских и казахстанских десятилетних детей.

Обзор литературы

В современных психолого-педагогических исследованиях авторов из разных стран подчеркивается сложность и неоднозначность феномена тревожности, а также ее многофакторная и нелинейная детерминированность. Это, в свою очередь, по мнению ученых, во многом объясняет вариативность дефиниций тревожности, подходов к ее изучению и оптимизации.

Исследователи дифференцируют личностную (общую, генерализованную) и ситуативную тревожность (Прихожан, 2000; Bieg, Goetz, Lipnevich, 2014; Hill, Mammarella, Devine, Caviola, Passolunghi, Szűcs, 2016; Putwain, Stockinger, Embse, Suldo, Daumiller, 2021; Fu et al., 2024). Как подчеркивают F. Hill и соавт. (2016), общая тревожность, в отличие от ситуативной, не относится к конкретной ситуации, временным контекстуальным переживаниям, а связана с общей склонностью человека беспокоиться о событиях, поведении и личных способностях. А.М. Прихожан (2000) отмечает, что личностная тревожность представляет собой образование устойчивого характера, включающее эмоциональный, когнитивный и операциональный компоненты. Личностная тревожность проявляется в типичной реакции человека (беспокойстве, волнении), возникающей независимо от конкретной социальной обстановки, которая воспринимается как угрожающая. В отличие от страхов как реакции на определенную объективно существующую угрозу, тревожность является безобъектным переживанием преимущественно воображаемого характера.

Нельзя не согласиться с А.А. Агишевой (2023), что основное внимание исследователей сконцентрировано на негативных характеристиках и последствиях тревожности, в то время как конструктивный ее потенциал часто не принимается во внимание. Тревожность, имеющая нормальную интенсивность, выступает необходимым адаптационным ресурсом, потенцирует развитие личности и становление субъектности (Прихожан, 2000; Ivanova, Sorokina, 2020). Однако выходящая из диапазона нормы, существенно повышенная и стойкая тревожность имеет отрицательные последствия для психического и физического здоровья человека, является значимым индикатором его эмоционального неблагополучия в настоящем и может выступать предиктором тревожных расстройств в будущем (Казакова, Соколова, 2021; Егоренко, Лобанова, Радчикова, 2023; Putwain, Stockinger, Embse, Suldo, Daumiller, 2021; Fu et al., 2024).

По данным масштабного метаанализа психологических публикаций, выполненного J.N. Fu и соавт. (2024), начиная с 2013 г. наблюдается постоянный и значительный рост числа исследований тревожности у детей младшего школьного возраста. Установленный факт можно объяснить рядом причин. Во-первых, многими авторами констатируется увеличение показателей повышенной тревожности у современных учащихся началь-

ной школы по сравнению с детьми предыдущих поколений (Прихожан, 2000; Рудомазина, 2016; Донскова, 2022; Du et al., 2023; Fu et al., 2024). Во-вторых, как отмечают Н. Manley, E.-N. Tu, T. Reardon, C. Creswell (2023), почти 40% тревожных расстройств проявляется уже в возрасте до 14 лет, что делает начальную школу бесценной для ранней поддержки детей с тревогой и предупреждения ее роста. В-третьих, по результатам многолетних и широкомасштабных исследований А.М. Прихожан определил, что именно в предподростковый период (10–11 лет) тревожность не только усиливается, но и «все более закрепляется, приобретает стабильные формы реализации в поведении, регуляции, компенсации... и становится устойчивым личностным свойством, имеющим собственную побудительную силу» (Прихожан, 2000, с. 222). Все перечисленное требует, помимо разработки эффективных профилактических и коррекционных стратегий нивелирования повышенной детской тревожности, дальнейшего многоаспектного анализа ее причин, в том числе в малоизученном кросс-культурном аспекте.

Применительно к детям младшего школьного возраста достаточно широко исследован специфический вид личностной тревожности, получивший название школьной (академической) и вызываемый различными компонентами образовательной среды: содержанием и методами обучения, межличностным общением в системе «ученик–учитель–администрация–родители», физическим пространством школы (Микляева, Румянцева, 2004; Hanie, Stanard, 2009; Hinchliffe, Campbell, 2016; Ivanova, Sorokina, 2020; Du et al., 2023; Manley et al., 2023; Rathod, Chauhan, 2023). Высокая школьная тревожность часто выступает маркером нарушения продуктивности учебной деятельности, школьной дезадаптации (Микляева, Румянцева, 2004; Лебедева, 2020; Донскова, 2022; Егоренко, Лобанова, Радчикова, 2023; Ivanova, Sorokina, 2020; Manley et al., 2023). Поведенческие проявления школьной тревожности, отмечаемые учителями, весьма вариативны: невнимательность, отказы от публичных ответов, тихая сбивчивая речь, обидчивость, агрессивность (Прихожан, 2000; Hanie, Stanard, 2009; Hinchliffe, Campbell, 2016). Исследователи подчеркивают, что учителя с трудом дифференцируют детей с умеренной и высокой школьной тревожностью (Headley, Campbell, 2011). Более половины родителей учеников с высокой школьной тревожностью не осознают эту проблему у своих детей, а также большинство матерей и отцов не понимают, как их собственное поведение влияет на эмоциональное благополучие и повышение академической тревожности у дочерей и сыновей (Амбалова, 2016; Maloney, Ramirez, Gunderson, Levine, Beilock, 2015; Fu et al., 2024;).

Также в последние годы отдельное существенное внимание психологов уделяется таким разновидностям школьной тревожности учеников начальных классов, как математическая и тестовая (экзаменационная) тревожность (Руденко и др., 2013; Bodas, Ollendick, Sovani, 2008; Maloney et al., 2015; Hill et al., 2016; Carey, Devine, Hill, Szűcs, 2017). При этом в ряде исследований указывается на установленную положительную корреляцию

повышенной математической и превышающей норму общей тревожности (Hill et al., 2016; Carey et al., 2017).

В большинстве исследований, проведенных на выборках учащихся начальной школы, рассматриваются две главные группы факторов, способствующих возникновению, интенсификации и закреплению тревожности у детей: внутриличностные и межличностные (социальные) факторы.

Из внутриличностных факторов повышенной тревожности младшего школьника чаще всего называются низкая самооценка ребенка, негативное представление о себе, недостаток уверенности в собственных способностях и навыках (Прихожан, 2000; Микляева, Румянцева, 2004; Чернышова, Иванов, 2016; Донскова, 2022). В то же время в ряде эмпирических исследований, например в работе Е.С. Донсковой (2022) установлено, что в младшем школьном возрасте повышенная тревожность может быть связана и с высокой самооценкой.

Среди межличностных семейных факторов, влияющих на эмоциональное состояние ребенка и вызывающих повышенную тревожность у младших школьников, выделяют негативный стиль семейного воспитания, тревожность родителей, конфликты в семье, неполный состав семьи, высокие ожидания и требовательность со стороны родителей, в том числе в сфере академических достижений (Амбалова, 2016; Казакова, Соколова, 2021; Серебрякова, Краева, 2024; Ajay Kumar, Prakriti, Rajiv, Yashi, Vijay, Suprakash, 2013; Maloney et al., 2015; Du et al., 2023; Fu et al., 2024). Так, в работе Е.В. Казаковой, Л.В. Соколовой (2021) доказано, что при стиле семейного воспитания «потворствующая гиперпротекция» у младших школьников наблюдается достоверно высокий уровень школьной тревожности. В исследовании В. Аяу Кумар и соавт. (2013) установлено, что дети, которые воспринимают своих родителей как авторитарных, характеризуются значительно более высокими показателями тревожности по сравнению с младшими школьниками, которые считают своих отцов и матерей демократичными или либеральными.

Проблема влияния личностных особенностей и профессиональных действий учителя начальной школы на тревожность детей является дискуссионной. В системном обзоре публикаций, выполненном Н. Manley и соавт. (2023) определено, что лишь в отдельных работах содержатся доказательства того, что авторитарный стиль педагога, его строгий контроль и применяемые наказания могут быть связаны с более высоким уровнем тревожности у младших школьников; большинство имеющихся данных указывают либо на слабую связь учительского стиля управления классом и детской тревожностью, либо на отсутствие такой связи.

Также неоднозначно проявляет себя в эмпирических исследованиях тревожности младших школьников фактор гендера: приводимые результаты противоречивы и, по выводам ученых, во многом обусловлены диагностическим инструментом и возрастным диапазоном выборки учеников начальной школы (Егоренко, Лобанова, Радчикова, 2023; Ajay Kumar et al., 2013; Hill et al., 2016; Carey et al., 2017; Aydin, 2019; Rathod, Chauhan, 2023).

Представляют существенный интерес немногочисленные исследования, доказывающие влияние ряда макросредовых факторов на повышенную тревожность у младших школьников. Так, установлена корреляция климато-географических факторов северного региона России, неблагоприятного сочетания экологических и социальных факторов столичного мегаполиса и повышенной тревожности у российских учеников начальной школы (Рязанцева, Мартышов, 2018; Bartosh, Bartosh, Mychko, 2021).

В целом проведенный анализ свидетельствует о полиморфности тревожности у детей младшего школьного возраста и ее многофакторной детерминации.

Отдельного внимания в соответствии с целью и задачами нашего исследования заслуживают единичные работы, освещающие кросс-культурные аспекты тревожности у российских младших школьников.

М. Руденко и соавт. (2013) проведено сравнение уровня математической тревожности на выборках российских и британских младших школьников 7,5–8 лет. Установлено, что, несмотря на различия в учебном плане и более раннее поступление в школу британских детей, статистически значимые кросс-культурные отличия в уровне математической тревожности у респондентов отсутствуют. Также не было обнаружено и гендерных различий в данном виде тревожности у мальчиков и девочек из России и Британии.

В сопоставлении особенностей ситуативной тревожности у младших школьников русского и цыганского этносов, выполненном Е.Л. Чернышовой, Д.В. Ивановым (2016), выявлено, что русские дети в большинстве имеют умеренный и высокий уровень тревожности в отличие от младших школьников цыганского этноса, которым свойственны преимущественно низкая степень тревожности и отсутствие ее высокой степени. При этом авторы отмечают, что для испытуемых цыганского этноса характерны высокие и очень высокие самооценка и уровень притязания в отличие от детей русского этноса, которые обладают средними и низкими показателями самооценки и притязания.

Принципиально важными являются работы, обосновывающие, что в азиатских странах (Китай, Индия) существенными факторами, приводящими к повышенной тревожности учащихся начальной и средней школы, выступают конкуренция и академическая нагрузка в образовании, а также высокие ожидания и требовательность родителей в отношении академических достижений детей (Deb, Chatterjee, Walsh, 2010; Ajay Kumar et al., 2013; Du et al., 2023; Fu et al., 2024). Как подчеркивают S. Deb и соавт. (2010), в Индии необходимо просвещать родителей, чтобы справиться с таким явлением, как высокое академическое давление в семье и сравнение успеваемости собственного ребенка с успехами лучших учеников.

В результате анализа психологической литературы нами не было обнаружено работ, посвященных сравнительному анализу особенностей тревожности младших школьников из России, Индии и Казахстана, что послужило дополнительным стимулом к организации и проведению специального исследования, итоги которого излагаются в настоящей статье.

Материалы и методы

Исследование было инициировано и организовано преподавателями Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, в его реализации принимали участие коллеги из Делийского университета (Индия) и Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан). В исследовании были задействованы по 300 младших школьников из России, Индии и Казахстана, общая выборка составила 900 человек.

При планировании исследования учитывалось, что действие конкретной образовательной микросреды может модулировать (ослаблять или усиливать) влияние национальной системы образования (макросреды). По мнению Т.Н. Тихомировой, С.Б. Малых, данное обстоятельство «необходимо учитывать при выполнении кросс-культурных сравнений в сфере образования, “уравнивая” микросредовые условия обучения детей» (Тихомирова, Малых, 2023, с. 108). Для нивелирования действия микросредовых факторов и обеспечения конгруэнтности выборок в качестве участников исследования привлекались дети только из городских школ России, Индии и Казахстана, принимая во внимание различия условий в образовательных учреждениях крупных городов и сельской местности в каждой из стран (Дас, 2019; Шерайзина, Ефлова, 2021; Бутабаева, Длимбетова, Исмагулова, 2023). Также контингент испытуемых был ограничен обучающимися общеобразовательных школ, исключались лицеи, гимназии, школы для одаренных детей, авторские школы и т.п. Исследование было организовано в трех городах-«миллионниках» России, Индии и Казахстана: Нижнем Новгороде, Дели и Алматы. Возраст младших школьников был определен десятью годами (диапазон от 10 лет ровно до 10 лет 11 месяцев). Гендерный состав респондентов являлся равномерным, среди испытуемых из каждой страны было поровну девочек и мальчиков. Это дало возможность стратификации выборки по половому признаку и изучения гендерной специфики личностной тревожности младших школьников из трех стран. С учетом политической ситуации в российскую выборку не были включены школьники, чьи родители и ближайшие родственники являются участниками специальной военной операции (СВО).

Организация исследования осуществлялась при поддержке администрации школ, с письменного информированного согласия родителей, персональные детские данные являлись закодированными (обезличенными). Российская детская выборка включала младших школьников из разных классов семи общеобразовательных школ, среднее число обучающихся в классе – 28 детей. Индийская выборка также представлена детьми из семи общеобразовательных школ, в каждом из учреждений были задействованы мальчики и девочки из разных классов, среднее число обучающихся в классе – 38 детей. Выборка младших школьников из Казахстана сформирована на базе четырех школ, среднее число детей в классе – 29 человек.

Для решения поставленных задач была использована «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан (форма «А» для школьников 10–12 лет). Выбор этой методики обусловлен следующими причинами: возможность оценки как общей личностной тревожности, так и ее составляющих; стандартизация диагностического инструмента выполнена не по классам, а по возрасту испытуемых отдельно для мальчиков и девочек; масштабная апробация методики была реализована на детских выборах из разных стран, включая Россию и Казахстан. Также мы учли дефицитарность собственно индийских диагностических инструментов для изучения тревожности у младших школьников, отмеченную исследователями из Индии (Ajay Kumar et al., 2013).

С учетом того, что группа младших школьников из Казахстана являлась билингвальной (дети владеют русским и казахским языками, обучение ведется на русском языке) «Шкала личностной тревожности» в данной выборке применялась в оригинальной авторской версии на русском языке. Также мы принимали во внимание тот факт, что в исследовании группы казахстанских ученых (Имангалиева, Бекжанова, Ахметова, 2021) было установлено отсутствие статистически значимых различий в показателях тревожности у детей 9–10 лет при использовании методики А. М. Прихожан на русском и казахском языке, и обе языковые версии шкал тревожности были признаны эквивалентными.

Для применения методики А.М. Прихожан в диагностике личностной тревожности англоязычных индийских младших школьников была проведена ее кросс-культурная валидизация: для достижения лингвистической эквивалентности был осуществлен двусторонний перевод шкалы группой экспертов, а также выполнена содержательная модификация с учетом культурно-национальных традиций и специфики страны. В частности, в одной из шкал, относящихся к магической тревожности, описывающей ситуацию «На экзамене тебе достался 13-й вопрос» мы убрали число 13, имеющее негативный мистический подтекст только для российских испытуемых, и заменили ситуацией «На экзамене тебе достался вопрос с несчастливым номером».

Для анализа результатов диагностики применялись расчет описательных статистик (средние значения и стандартные отклонения), факторный анализ. Для статистической обработки использовались прикладные программы MS Excel, SPSS Statistics 23.0. Статистическая достоверность различий определялась с помощью Н-критерия Краскела–Уоллеса, U-критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования

По итогам изучения выраженности различных показателей и видов личностной тревожности у младших школьников с помощью «Шкалы личностной тревожности» А.М. Прихожан были составлены сводные таблицы с переводом первичных баллов в баллы. Для определения структурной эквивалентности данных, продемонстрированных респондентами из каждой

страны ($n = 300$), был осуществлен факторный анализ методом главных компонент и варимакс вращения с нормализацией Г. Кайзера, итоги которого представлены в табл. 1.

Таблица 1

Факторная структура личностной тревожности у младших школьников из России, Индии и Казахстана

Виды тревожности	Факторный вес (r) видов тревожности детей по странам		
	Россия	Индия	Казахстан
Школьная	0,725	0,847	0,633
Самооценочная	0,781	0,956	0,645
Межличностная	0,813	0,951	0,749
Магическая	0,684	0,910	0,581
Общая	0,999	1,000	1,000
% дисперсии	80,056	93,284	72,150

Результаты факторного анализа выявили однофакторную структуру личностной тревожности в трех выборках респондентов с высоким процентом объясненной дисперсии, что подтверждает структурную эквивалентность данных, продемонстрированных респондентами из России, Индии и Казахстана. Этот факт позволяет интерпретировать количественные различия между показателями в кросс-культурном контексте.

Подчеркнем, что наибольший факторный вес в общей тревожности в выборках российских, индийских и казахстанских младших школьников имеют показатели межличностной тревожности ($r = 0,813; 0,951; 0,749$ соответственно) и самооценочной тревожности ($r = 0,78; 0,956; 0,645$).

Описательные статистики по всем видам личностной тревожности для выборок младших школьников из каждой страны представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения выраженности личностной тревожности у младших школьников из России, Индии и Казахстана (в стенах)

Виды тревожности	Младшие школьники из России	Младшие школьники из Индии	Младшие школьники из Казахстана	Н-критерий Краскела–Уоллиса
	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	
Школьная	$5,07 \pm 2,85$	$7,55 \pm 3,10$	$4,97 \pm 2,92$	131,689***
Самооценочная	$5,28 \pm 3,34$	$7,69 \pm 3,55$	$5,56 \pm 3,38$	100,779***
Межличностная	$6,30 \pm 3,58$	$7,95 \pm 3,26$	$5,34 \pm 3,75$	91,318***
Магическая	$4,71 \pm 3,48$	$7,89 \pm 3,22$	$3,69 \pm 3,37$	215,435***
Общая	$5,47 \pm 3,07$	$7,96 \pm 3,12$	$4,97 \pm 3,00$	151,845***

Примечание. *** – при уровне значимости $p \leq 0,001$

Данные, отраженные в табл. 2, свидетельствуют, что средние значения всех диагностированных видов личностной тревожности имеют существенные статистически значимые отличия (при $p \leq 0,001$) у младших школьников из трех стран по Н-критерию Краскела–Уоллиса. Наименьшие

показатели по всем видам тревожности, кроме самооценочной, характерны для десятилетних обучающихся из Казахстана, при этом все средние показатели тревожности казахстанских детей сосредоточены в диапазоне нормального уровня (от 3 до 6 стенов). Наибольшие значения по всем видам тревожности продемонстрировали младшие школьники из Индии. Отметим, что все средние показатели тревожности у индийских десятилетних школьников находятся в диапазоне «несколько повышенного» уровня (от 7 до 8 стенов). У российских младших школьников в их общей выборке, так же как и у детей из Казахстана, установлены средние показатели тревожности, относящиеся к нормальному уровню.

Наименьшие средние значения для младших школьников из России и Казахстана характерны для магической тревожности (4,71 и 3,69 стенов соответственно), далее следует школьная тревожность (5,07 и 4,97 стенов). Наибольшие средние показатели десятилетние дети из России продемонстрировали в межличностной тревожности (6,3 стена), школьники из Казахстана – в самооценочной тревожности (5,56 стенов). Профиль средних значений показателей разных видов тревожности у индийских детей специфичен: наименьшее значение характерно для школьной тревожности (7,55 стенов), далее по возрастанию следуют самооценочная (7,69) и магическая тревожность (7,89), наиболее выражена, как и у российских младших школьников, межличностная тревожность (7,95).

Средние показатели общей личностной тревожности у десятилетних детей из России и Казахстана (5,47 и 4,97) относятся к диапазону нормального уровня, у школьников из Индии (7,96) – к несколько повышенному уровню.

Отметим, что для всех трех выборок характерен достаточно высокий разброс, варьирование показателей детской тревожности, это затруднило применение однофакторного дисперсионного анализа и обусловило выбор непараметрического статистического критерия Краскела–Уоллиса.

Помимо сравнительного анализа средних значений по всем видам личностной тревожности в общих выборках младших школьников из трех стран, было проведено сопоставление показателей тревожности в гендерном аспекте (табл. 3).

Полученные результаты отдельно по мальчикам и девочкам подтверждают соотношение выраженности показателей тревожности у детей из трех стран, установленное на смешанных по полу выборках. Наибольшие значения тревожности продемонстрированы индийскими мальчиками и девочками (общая тревожность соответствует 8,39 и 7,42 стенам и относится к «несколько повышенному» уровню), среднюю позицию по значениям тревожности в порядке убывания занимают мальчики и девочки из России, демонстрирующие нормальный уровень тревожности (5,75 и 5,27 стенов), наименьшие значения характерны для мальчиков и девочек из Казахстана (4,99 и 4,95 стенов диапазона нормального уровня тревожности). При этом следует отметить, что по школьной и самооценочной тревожности средние показатели у девочек из России (4,86 и 5,19 стенов) меньше, чем у мальчиков (4,94 и 5,20 стенов) и девочек (5,01 и 5,93) из Казахстана.

Таблица 3

Средние значения и стандартные отклонения выраженности личностной тревожности у мальчиков и девочек из России, Индии и Казахстана (в стенах)

Виды тревожности	Россия		Индия		Казахстан	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$	$M \pm \sigma$
Школьная	5,37 ± 2,89	4,86 ± 2,81	8,04 ± 2,93	6,95 ± 3,22***	4,94 ± 3,02	5,01 ± 2,83
Самооценочная	5,42 ± 3,36	5,19 ± 3,34	8,08 ± 3,34	7,21 ± 3,75**	5,20 ± 3,46	5,93 ± 3,27
Межличностная	6,28 ± 3,53	6,32 ± 3,62	8,20 ± 3,19	7,65 ± 3,32	4,98 ± 3,68	5,71 ± 3,81
Магическая	4,72 ± 3,61	4,71 ± 3,40	8,25 ± 3,084	7,44 ± 3,34*	3,86 ± 3,49	3,52 ± 3,24
Общая	5,75 ± 3,04	5,27 ± 3,08	8,39 ± 2,83	7,42 ± 3,38**	4,99 ± 3,12	4,95 ± 2,88

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$ по U-критерию Манна–Уитни

Статистически значимые гендерные различия по U-критерию Манна–Уитни в показателях тревожности установлены только между индийскими мальчиками и девочками, при этом самые существенные расхождения обнаружены в школьной тревожности ($p \leq 0,001$).

Также было проведено сравнение показателей тревожности у мальчиков из трех стран по H-критерию Краскела–Уоллиса, которое продемонстрировало высокую статистически значимую разницу по всем шкалам методики ($p \leq 0,001$). Аналогичное сравнение у девочек тоже обнаружило высокую статистическую значимость показателей по H-критерию Краскела–Уоллиса ($p \leq 0,001$).

Кроме того, в рамках исследования был выполнен анализ отдельных показателей по шкалам тревожности, который позволил выделить общие тенденции и кросс-культурные различия в типе ситуаций, в большей степени волнующих младших школьников из разных стран.

Наиболее тревожной ситуацией по шкале «школьная тревожность» у российских и индийских младших школьников, как у мальчиков, так и у девочек, является «Разговор с директором» (47 и 57 %). Для казахстанских школьников наиболее тревожной является ситуация письменного контроля: «Писать контрольную работу, выполнять тест по какому-нибудь предмету» (45%).

В самооценочной тревожности наиболее волнительной для российских школьников, как мальчиков, так и девочек, является ситуация социального неуспеха: «Тебе грозит неуспех, провал» (44%). Для казахстанских школьников, как мальчиков, так и девочек, самое большое беспокойство вызывают будущие достижения: «Думаешь о том, чего ты сможешь добиться в будущем» (32%); для индийских школьников наиболее волнительной является ситуация сравнения с другими: «Сравнивать себя с другими» (59%).

Самой тревожной в межличностном плане для российских и казахстанских младших школьников, как мальчиков, так и девочек, является ситуа-

ция публичного выступления: «Выступать перед зрителями» (37 и 33%). Для индийских школьников, как мальчиков, так и девочек, – ситуация, в которой они выступают объектом наблюдения во время активного действия: «На тебя смотрят, когда ты что-нибудь делаешь (наблюдают за тобой во время работы, решения)» (55%).

Кросс-культурные различия особенно выражены в отборе наиболее волнующих ситуаций по шкале магической тревожности. Так, для российских и казахстанских школьников, как мальчиков, так и девочек, в большей степени вызывает переживание и беспокойство ситуация плохого сна: «Видеть плохие сны» (32 и 29%). Наиболее тревожными ситуациями для индийских школьников, как мальчиков, так и девочек, являются «Смотреть на человека, похожего на мага, колдуна» (47%) и «Слышать, что какой-то человек “напускает порчу” на других» (48%).

Обсуждение результатов

Обобщая вышеизложенное, можно сделать ряд выводов об универсальных и культурно-специфических особенностях личностной тревожности у младших школьников из России, Индии и Казахстана.

Во-первых, по результатам исследования установлены не зависящие от культурного контекста особенности личностной детской тревожности: во всех трех выборках наибольший факторный вес в общей тревожности имеют показатели межличностной и самооценочной тревожности, вес школьной тревожности менее выражен. Этот факт можно объяснить высоким значением возрастного фактора, его определяющим влиянием на профиль личностной тревожности десятилетних младших школьников из разных стран.

Во-вторых, выявлены статистически значимые кросс-культурные различия в средних значениях всех составляющих личностной тревожности у российских, казахстанских и индийских учеников начальных классов. В целом более высокие средние показатели по всем шкалам тревожности, относящиеся к диапазону «несколько повышенного» уровня, выявленные у индийских городских младших школьников по сравнению с детьми из России и Казахстана, можно предположительно объяснить комплексом причин, непосредственно связанных с культурными особенностями Индии. Относительно школьной тревожности это, прежде всего высокие ожидания и требовательность индийских родителей к академическим достижениям детей (Deb et al., 2010; Ajay Kumar et al., 2013). Применительно к межличностной и самооценочной тревожности – повышенная конкурентность в образовании в условиях стремительного экономического развития страны и демографического лидерства в мире, особенно для популяции молодого поколения, достаточно большая численность детей в классах школ Индии, существенно отличающаяся от среднего количества младших школьников в начальных классах России и Казахстана. Неслучайно именно у индийских школьников наибольшую тревожность, по данным нашего исследования,

вызывает ситуация сравнения себя с другими. Повышенное среднее значение магической тревожности у индийских младших школьников, статистически значимо отличающееся от показателей детей из России и Казахстана, вероятнее всего, связано с особенностями культурно-религиозной сферы Индии: разнообразием вероисповеданий, высокой религиозностью населения, множеством богов, ритуалов, обрядов. Отметим, что наличие кросс-культурных особенностей в выраженности личностной тревожности у детей из трех стран было подтверждено не только на общих выборках, — идентичные результаты зафиксированы отдельно на выборках мальчиков и девочек.

В-третьих, констатированы гендерные различия в показателях тревожности между индийскими девочками и мальчиками, наиболее статистически значимые по школьной тревожности. Высокие значения школьной тревожности у индийских мальчиков, статистически существенно отличающиеся от результатов девочек ($p \leq 0,001$) можно интерпретировать достаточно внушительным индексом гендерных социальных норм (GSNI) в Индии относительно образовательной сферы (38,5%). Как мы уже указывали, это означает предвзятость в отношении лиц женского пола в образовании, а следовательно, именно на академические успехи индийских мальчиков родители возлагают приоритетные надежды, вероятно, оказывая на них более выраженное давление. Отметим, что полученные нами результаты о более значимо высоких показателях тревожности у индийских десятилетних мальчиков по сравнению с девочками согласуются с данными, полученными в исследовании в Калькутте на выборке школьников от 13 до 17 лет (Deb et al., 2010).

В целом итоги исследования могут быть учтены в системах начального образования и психолого-педагогического сопровождения детей. Так, поскольку для младших школьников из России и Казахстана самой тревожной в межличностном плане является ситуация публичного выступления, с данной проблемой следует целенаправленно работать учителям начальных классов и школьным психологам. На уроках можно чаще практиковать выступления детей с небольшими сообщениями, докладами, стихами не только перед всем классом, что времяемко, но и перед группами сверстников, использовать многокритериальную взаимооценку публичных ответов с обязательным акцентом на сильных сторонах, применять ролевые игры и приемы театрализации, упражнения, развивающие ораторские навыки (на скорость, громкость, выразительность речи). Эффективной поддержкой со стороны психолога будут тренинги уверенного поведения и межличностных коммуникаций. Поскольку в Индии из-за большой численности детей в классах устные сообщения, ответы минимизированы, ситуация публичного выступления не вызывает тревожность у учеников начальной школы. Относительно индийских младших школьников мы соглашаемся с коллегами из Индии (Deb et al., 2010) о первостепенной необходимости психолого-педагогического просвещения родителей для снижения академического давления на ребенка в семье, провоцирующего рост детской тревожности.

Дополнительная интерпретация выявленных фактов может быть получена при дальнейшем кросс-культурном анализе других составляющих личностного развития детей указанных групп.

Заключение

Одним из существенных предикторов нарушения эмоционально-личностного благополучия школьника выступает его повышенная тревожность, отрицательно влияющая на академические достижения, психическое и физическое здоровье ребенка. Констатируемый рост показателей повышенной тревожности у современных младших школьников в разных странах, недостаточная изученность личностной тревожности российских учащихся начальных классов в кросс-культурном аспекте обусловили выбор темы и цели нашей работы.

В результате исследования выявлены универсальные и культурно-специфические особенности личностной тревожности у десятилетних городских младших школьников из России, Индии и Казахстана.

Во всех трех выборках наибольший факторный вес имеют показатели межличностной и самооценочной тревожности, вес школьной тревожности менее выражен, что можно объяснить определяющим влиянием возраста на профиль личностной тревожности десятилетних младших школьников из разных стран.

Кросс-культурные статистически значимые различия установлены в средних значениях всех составляющих личностной тревожности у российских, казахстанских и индийских учеников начальных классов. Наименьшие показатели по всем видам тревожности, кроме самооценочной, сосредоточенные в диапазоне нормального уровня, констатированы у младших школьников из Казахстана. Средние показатели тревожности российских детей также относятся к нормальному уровню и занимают промежуточное положение между результатами казахстанских и индийских младших школьников. Наибольшие значения по всем видам тревожности, относящиеся к «несколько повышенному» уровню, обнаружены у детей из Индии. Идентичные результаты зафиксированы отдельно на выборках мальчиков и девочек. Выявленные различия были интерпретированы нами с опорой на анализ публикаций культурными особенностями Индии, спецификой системы начального образования и религии. Дополнительное объяснение выявленных фактов может быть сделано при дальнейшем кросс-культурном анализе личностного развития детей указанных групп. Полученные результаты представляют интерес для педагогов начального образования и школьных психологов и могут быть учтены в психолого-педагогическом сопровождении детей.

К ограничениям исследования можно отнести использование для сбора эмпирических данных о детской тревожности только одной методики, предполагающей самоотчет младшего школьника, не подкрепленный анке-

тированием родителей или учителей. Данный факт мы объясняем организационными сложностями в проведении международных исследований и хотим подчеркнуть, что изучение особенностей тревожности у младших школьников из России, Индии и Казахстана представляет собой только одну из частей проводимого нами кросс-культурного анализа различных составляющих личностного развития детей указанной группы. Дальнейшей задачей мы видим изучение корреляций рассмотренных в статье показателей личностной тревожности с результатами диагностики самооценки и притязаний у этих же младших школьников.

Литература

- Агишева, А. А. (2023). Конструктивный потенциал тревожности и подходы к его пониманию. *Российский психологический журнал*, 20(4), 42–62. doi: 10.21702/rpj.2023.4.3
- Амбалова, С. А. (2016). Проблемы и механизмы проявления тревожности учащихся младших классов. *Балтийский гуманитарный журнал*, 5(3), 86–89.
- Бутабаева, Л. А., Длимбетова, Г. К., Исмагулова, С. К. (2023). Анализ эргономической доступности образовательного пространства в городских и сельских школах Казахстана. *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Сер. Педагогика. Психология. Социология*, 1(142), 46–54. doi: 10.32523/2616-6895-2023-142-1-46-54
- Дас, П. (2019). Неравенство возможностей в сфере образования в Индии: оценка индекса возможностей для человека по данным опросов. *Вопросы образования*, 4, 116–132. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-116-132
- Донскова, Е. С. (2022). Взаимосвязь самооценки и уровня тревожности у детей младшего школьного возраста. *Психология человека в образовании*, 4(1), 41–52. doi: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-41-52
- Егоренко, Т. А., Лобанова, А. В., Радчикова, Н. П. (2023). Диагностика трудностей в обучении в области социальной адаптации у младших школьников. *Психологическая наука и образование*, 28(5), 154–167. doi: 10.17759/pse.2023280512
- Имангалиева, Ш. Д., Бекжанова, Б. Ж., Ахметова, А. С. (2020). Бастауыш мектеп оқушыларының сөздік-логикалық ойлауы мен үрейленуін зерттеу мәселесі [Проблемы изучения словесно-логического мышления и тревожности младших школьников]. *Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. Педагогические науки*, 3(67), 144–151. doi: 10.51889/2020-3.1728-5496.19
- Казакова, Е. В., Соколова, Л. В. (2021). Сравнительный анализ эмоционального здоровья первоклассников при разных стилях семейного воспитания. *Российский психологический журнал*, 18(4), 18–29. doi: 10.21702/rpj.2021.4.2
- Карабанова, О. А. (2017). Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект. *Современная зарубежная психология*, 6(2), 15–26. doi: 10.17759/jmfp.2017060202
- Лебедева, Е. И. (2020). Современные предикторы школьной тревожности младших школьников. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2, 347–359.
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2004). *Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция*. СПб.: Речь.
- Прихожан, А. М. (2000). *Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика*. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Руденко, М., Родич, М., Купер, Е., Колиенко, Т. В., Шарафиева, К. Р., Гынку, Е. И., ... Ковас, Ю. В. (2013). Математическая тревожность, пространственные способности и математическая успешность: кросс-культурное исследование детей младшего

- школьного возраста в России и Великобритании. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 4, 18–25.
- Рудомазина, В. М. (2016). Современная картина проявления тревожности у детей младшего школьного возраста. *Психологическая наука и образование*, 8(1), 76–85. doi: 10.17759/psyedu.2016080107
- Рязанцева, М. А., Мартышов, А. В. (2018). Выявление уровня тревожности у младших школьников столичного мегаполиса. *Мир науки, культуры, образования*, 1(68), 329–330.
- Серебрякова, Т. А., Краева, И. В. (2024). Культура общения в системе «родитель–ребенок» как условие снижения тревожности у младших школьников. *Вестник практической психологии образования*, 21(4), 85–92. doi: 10.17759/bppe.2024210408
- Тихомирова, Т. Н., Малых, С. Б. (2023). Половые различия в успешности школьного обучения математике и русскому языку: кросскультурное исследование. *Сибирский психологический журнал*, 87, 104–123. doi: 10.17223/17267080/87/6
- Чернышова, Е. Л., Иванов, Д. В. (2016). Особенности личностной самооценки и тревожности младших школьников цыганского и русского этносов. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 5(4), 346–349.
- Шерайзина, Р. М. Ефлова З. Б. (2021). Сельская школа современной России и зарубежья. *Непрерывное образование: XXI век*, 1(33). doi: 10.15393/j5.art.2021.6685

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 18.01.2025 г.; повторно 28.01.2025 г.;
принята 07.02.2025 г.

Иванова Наталья Валентиновна – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: ivanova30nv@yandex.ru

Суворова Ольга Вениаминовна – профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина; профессор кафедры педагогики и психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: olgavenn@yandex.ru

Шадрина Ирина Александровна – преподаватель кафедры общей и социальной педагогики Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru

Сран Сарабджит Каур – профессор факультета психологии Женского колледжа Мата Сундри (Делийский университет), доктор философии.

E-mail: sarabjeetkaur@ms.du.ac.in.

Акпаева Асель Бакировна – профессор кафедры начального образования Казахского национального педагогического университета им. Абая, кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: akpayeva@mail.ru

For citation: Ivanova, N. V., Suvorova, O. V., Shadrina, I. A., Sran, S. K., Akpaeva, A. B. (2025). Characteristics of Personal Anxiety in Elementary School Children from Russia, India and Kazakhstan: Cross-Cultural Aspect. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 96, 109–129. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/96/6

Characteristics of Personal Anxiety in Elementary School Children from Russia, India and Kazakhstan: Cross-Cultural Aspect

N.V. Ivanova¹, O.V. Suvorova^{1, 2}, I.A. Shadrina¹, S.K. Sran³, A.B. Akpaeva⁴

¹ Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1 Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603600, Russian Federation

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaia Str., Perm, 614990, Russian Federation

³ Mata Sundri College for women (University of Delhi), Mata Sundri lane, New Delhi, 110002, India

⁴ Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk ave, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan

Abstract

International psychological and pedagogical research and their meta-analyses establish growth in high anxiety rates among current elementary school children, which makes it relevant to examine this problem in a comprehensive way, including in a poorly known cross-cultural aspect. The purpose of the article is a cross-cultural analysis of personal anxiety characteristics in ten-year-old elementary school children from urban comprehensive schools in Russia, India and Kazakhstan. In total, 900 children participated in the research, 300 elementary school children from each country with uniform gender distribution. A. M. Prikhozhan's "Personal Anxiety Scale" (Form "A" for school children aged 10-12) was used as a diagnostic tool. As a result of the research, universal and culture-specific characteristics of personal anxiety were established in elementary school children from Russia, India and Kazakhstan. Based on factor analysis, it was found that in all three child sample groups, the indicators of interpersonal and self-reported anxiety have the greatest weight, while the weight of school-based anxiety is less prominent, which can be explained by decisive influence of the age factor on the profile of personal anxiety of ten-year-old elementary school children from different countries. Statistically significant cross-cultural differences were revealed in average indicators of all types of personal anxiety (school-based, self-reported, interpersonal, magic, general) in elementary school children from three countries according to the Kruskal-Wallis H test. The lowest anxiety values, except for self-reported, are characteristic of ten-year-old school children from Kazakhstan, while all average anxiety indicators for these school children are concentrated in the normal level range. The average anxiety levels of Russian children are also within the normal range. The highest values for all types of anxiety, related to the "slightly higher" level, were demonstrated by elementary school children from India. Identical cross-cultural differences were observed separately in sample groups of boys and girls. In the group of Indian children, statistically significant gender differences were also revealed for all types of anxiety except for interpersonal anxiety. In addition, cross-cultural differences were established in the choice made by children from different countries of those situations that cause the greatest anxiety on all anxiety scales. The results obtained can be useful for practice of psychological and pedagogical support of children.

Keywords: anxiety; personal anxiety; elementary school child; cross-cultural analysis; Russia; India; Kazakhstan; culture-specific characteristics

References

- Agisheva, A. A. (2023). Konstruktivnyy potentsial trevozhnosti i podkhody k ego ponimaniyu [Constructive potential of anxiety and approaches to its understanding]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*, 20(4), 42–62. doi: 10.21702/rpj.2023.4.3
- Ajay Kumar, B., Prakriti, S., Rajiv, S., Yashi, B., Vijay, V., & Suprakash, C. (2013) Anxiety in school students: Role of parenting and gender. *Industrial Psychiatry Journal*, 22(2), 131–137. doi: 10.4103/0972-6748.132927

- Ambalova, S. A. (2016). Problemy i mekhanizmy proyavleniya trevozhnosti uchashchikhsya mladshikh klassov [Problems and mechanisms of manifestation of anxiety in primary school students]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 5(3), 86–89.
- Aydin, U. (2019). Test anxiety: Gender differences in elementary school students. *European Journal of Educational Research*, 8(1), 21–30. doi: 10.12973/eu-jer.8.1.21
- Bartosh, O. P., Bartosh, T. P., & Mychko, M. V. (2021). Features of anxiety and attention in elementary school students of the Russian North. *Russian Open Medical Journal*, 10(3). doi: 10.15275/rusomj.2021.0314
- Bieg, M., Goetz, T., & Lipnevich, A. A. (2014). What Students Think They Feel Differs from What They Really Feel – Academic Self-Concept Moderates the Discrepancy between Students' Trait and State Emotional Self-Reports. *PLoS ONE*, 9(3). doi: 10.1371/journal.pone.0092563
- Bodas, J., Ollendick, T. H., & Sovani, A. V. (2008). Test anxiety in Indian children: A cross-cultural perspective. *Anxiety, Stress, & Coping*, 21(4), 387–404. doi: 10.1080/10615800701849902
- Butabaeva, L. A., Dlimbetova, G. K., & Ismagulova, S. K. (2023). Analiz ergonomicheskoy dostupnosti obrazovatel'nogo prostranstva v gorodskikh i sel'skikh shkolakh Kazakhstana [Analysis of ergonomic accessibility of educational space in urban and rural schools of Kazakhstan]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1(142), 46–54. doi: 10.32523/2616-6895-2023-142-1-46-54
- Carey, E., Devine, A., Hill, F., & Szűcs, D. (2017). Differentiating anxiety forms and their role in academic performance from primary to secondary school. *PLoS ONE*, 12(3). doi: 10.1371/journal.pone.0174418
- Chernyshova, E. L., & Ivanov, D. V. (2016). Osobennosti lichnostnoy samoootsenki i trevozhnosti mladshikh shkol'nikov tsyganskogo i russkogo etnosov [Personal Self-Esteem and Anxiety in Primary School Children of the Gypsy and Russian Ethnicities]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 5(4), 346–349.
- Das, P. (2019). Neravenstvo vozmozhnostey v sfere obrazovaniya v Indii: otsenka indeksa vozmozhnostey dlya cheloveka po dannym oprosov [Inequality of Opportunity in Education in India: Assessing the Human Opportunity Index from Survey Data]. *Voprosy obrazovaniya*, 4, 116–132. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-116-132
- Deb, S., Chatterjee, P., & Walsh, K. (2010). Anxiety among high school students in India: Comparisons across gender, school type, social strata and perceptions of quality time with parents. *Australian Journal of Educational and Developmental Psychology*, 10, 18–31.
- Donskova, E. S. (2022). Vzaimosvyaz' samoootsenki i urovnya trevozhnosti u detey mladshogo shkol'nogo vozrasta [The Relationship between Self-Esteem and Anxiety Levels in Primary School Children]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*, 4(1), 41–52. doi: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-41-52
- Du, Y. Z., Kao, T. F., Fang, B. J., Shen, Y. C., & Cai, Q. Y. (2023, July). Study on the Situation, Prevention and Strategy of Learning Anxiety in Primary School Students. *Proceedings of the 2023 2nd International Conference on Educational Innovation and Multimedia Technology (EIMT 2023)*, 1076–1082. doi: 10.2991/978-94-6463-192-0_140
- Egorenko, T. A., Lobanova, A. V., & Radchikova, N. P. (2023). Diagnostika trudnostey v obuchenii v oblasti sotsial'noy adaptatsii u mladshikh shkol'nikov [Diagnostics of learning difficulties in the field of social adaptation in primary school students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 28(5), 154–167. doi: 10.17759/pse.2023280512
- Essau, C. A., Anastassiou-Hadjicharalambous, X., Demetriou, C., & Poursieid, K. (2012). Cultural Factors and Anxiety in Children and Adolescents: Implications for Treatment. In C. A. Essau, & T. H. Ollendick (Eds), *The Wiley-Blackwell Handbook of The Treatment of Childhood and Adolescent Anxiety* (pp. 157–175). New York: John Wiley and Sons.
- Fu, J. N., Yu, W. B., Li, S. Q., & Sun, W. Z. (2024). A bibliometric analysis of anxiety and depression among primary school students. *Frontiers in Psychiatry*, 15. doi: 10.3389/fpsy.2024.1431215

- Hanie, E. H., & Stanard, R. P. (2009) Students with Anxiety: The Role of the Professional School Counselor. *Georgia School Counselors Association Journal*, 16(1), 49–55.
- Headley, C., & Campbell, M. (2011). Teachers' Recognition and Referral of Anxiety Disorders in Primary School Children. *Australian Journal of Educational & Developmental Psychology*, 11, 78–90.
- Hill, F., Mammarella, I. C., Devine, A., Caviola, S., Passolunghi, M. C., & Szűcs, D. (2016). Maths anxiety in primary and secondary school students: Gender differences, developmental changes and anxiety specificity. *Learning and Individual Differences*, 48, 45–53. doi: 10.1016/j.lindif.2016.02.006
- Hinchliffe, K., & Campbell, M. (2016). Tipping Points: Teachers' Reported Reasons for Referring Primary School Children for Excessive Anxiety. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 26(1), 84–99. doi: 10.1017/jgc.2015.24
- Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). doi: 10.9707/2307-0919.1014
- Imangalieva, Sh. D., Bekzhanova, B. Zh., & Akhmetova, A. S. (2020). Bastaуysh mektep okushylarynyң sөzdik-logikalық оylaу men yreylenuin zertteu maselesi [Problems of studying verbal-logical thinking and anxiety of primary school students]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Ser. Pedagogicheskie nauki*, 3(67), 144–151. doi: 10.51889/2020-3.1728-5496.19
- Ivanova, N., & Sorokina, T. (2020). Educational environment approach to preventing the growth of school students anxiety in the transition from primary to secondary school. *Elementary Education Online*, 19(1). 333–342. doi: 10.17051/ilkonline.2020.661841
- Karabanova, O. A. (2017). Detsko-roditel'skie otnosheniya i praktika vospitaniya v sem'e: kross-kul'turnyy aspect [Parent-child relationships and parenting practices in the family: a cross-cultural aspect]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 6(2), 15–26. doi: 10.17759/jmfp.2017060202
- Kazakova, E. V., & Sokolova, L. V. (2021). Sravnitel'nyy analiz emotsional'nogo zdorov'ya pervoklassnikov pri raznykh stilyakh semeynogo vospitaniya [Comparative analysis of the emotional health of first-graders with different styles of family education]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*, 18(4), 18–29. doi: 10.21702/rpj.2021.4.2
- Lebedeva, E. I. (2020). Sovremennyye prediktory shkol'noy trevozhnosti mladshikh shkol'nikov [Contemporary predictors of school anxiety in primary school students]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2, 347–359.
- Maloney, E. A., Ramirez, G., Gunderson, E. A., Levine, S. C., & Beilock, S. L. (2015). Inter-generational Effects of Parents' Math Anxiety on Children's Math Achievement and Anxiety. *Psychological Science*, 26(9). doi: 10.1177/0956797615592630
- Manley, H., Tu, E.-N., Reardon, T., & Creswell, C. (2023). The relationship between teachers' day-to-day classroom management practices and anxiety in primary school children: A systematic review. *Review of Education*, 11. doi: 10.1002/rev3.3385
- Miklyayeva, A. V., & Rumyantseva, P. V. (2004). *Shkol'naya trevozhnost': diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [School anxiety: diagnostics, prevention, correction]. St. Petersburg: Rech'.
- Prikhozhan, A. M. (2000). *Trevozhnost' u detey i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety in children and adolescents: Psychological nature and age dynamics]. Moscow: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: MODEK.
- Putwain, D. W., Stockinger, K., Embse, N., Suldo, S., & Daumiller, M. (2021). Test anxiety, anxiety disorders, and school-related wellbeing: Manifestations of the same or different constructs? *Journal of School Psychology*, 88(2), 47–67. doi: 10.1016/j.jsp.2021.08.001
- Rathod, R., & Chauhan, D. (2023). Academic Anxiety among Primary School Students. *Journal of General Education and Humanities*, 2(3). 177–186. doi: 10.58421/gehu.v2i3.91
- Rudenko, M., Rodich, M., Kuper, E., Kolienko, T. V., Sharafieva, K. R., Gynku, E. I., ... Kovas, Yu. V. (2013). *Matematicheskaya trevozhnost', prostranstvennye sposobnosti i matematicheskaya uspehnost': kross-kul'turnoe issledovanie detey mladshego shkol'nogo*

- vozrasta v Rossii i Velikobritanii [Mathematical anxiety, spatial abilities and mathematical achievement: a cross-cultural study of primary school children in Russia and the UK]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 4, 18–25.
- Rudomazina, V. M. (2016). Sovremennaya kartina proyavleniya trevozhnosti u detey mladshego shkol'nogo vozrasta [The modern picture of anxiety manifestation in primary school children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 8(1), 76–85. doi: 10.17759/psyedu.2016080107
- Ryazantseva, M. A., & Martyshov, A. V. (2018). Vyyavlenie urovnya trevozhnosti u mladshikh shkol'nikov stolichnogo megapolisa [Identification of the level of anxiety in primary school students of the capital metropolis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1(68), 329–330.
- Serebryakova, T. A., & Kraeva, I. V. (2024). Kul'tura obshcheniya v sisteme “roditel'–rebenok” kak uslovie snizheniya trevozhnosti u mladshikh shkol'nikov [The culture of communication in the parent-child system as a condition for reducing anxiety in primary school students]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 21(4), 85–92. doi: 10.17759/bppe.2024210408
- Sherayzina, R. M. & Eflova, Z. B. (2021). Sel'skaya shkola sovremennoy Rossii i zarubezh'ya [Rural School in Modern Russia and Abroad]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 1(33). doi: 10.15393/j5.art.2021.6685
- Tikhomirova, T. N., & Malykh, S. B. (2023). Gender Differences in School Achievement on Mathematics and Russian Language: Cross-cultural Study. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 87, 104–123. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/87/6

*Received 18.01.2025; Revised 28.01.2025;
Accepted 07.02.2025*

Natalia V. Ivanova – Professor, Department of Developmental and Educational Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, D.Sc. (Psychol.), Associate Professor.
E-mail: ivanova30nv@yandex.ru

Olga V. Suvorova – Professor, Department of Developmental and Educational Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, D.Sc. (Psychol.), Professor.
E-mail: olgavenn@yandex.ru

Irina A. Shadrina – Lecturer, Department of General and Social Pedagogy, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Lecturer.
E-mail: rusakova.ir2019@yandex.ru

Sarabjit K. Sran – Professor, Department of Psychology, Mata Sundri College for Women (University of Delhi), PhD.
E-mail: sarabjeetkaur@ms.du.ac.in.

Assel B. Akpayeva – Professor, Department of Primary Education, Abai Kazakh National Pedagogical University, Cand. Sc. (Pedagog.), Associate Professor.
E-mail: akpayeva@mail.ru